

УДК 1 (091)
ББК 87.3(2)521-564

Юлия Владимировна Кокарева,
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: kokareva@inbox.ru

Урок Чаадаева

В нашем нестабильном настоящем вопрос оценки исторического прошлого народа и влияния исконных духовно-нравственных ценностей на социально-политические процессы будущего является чрезвычайно актуальным. Начавшийся в XIX в. как спор западников и славянофилов, он продолжается до сих пор. Ещё П. Я. Чаадаев предложил русскому обществу отказаться от ветхого прошлого отечества, от его духовной базовой ценности – православия и заменить на духовные ценности западноевропейской цивилизации как единственно верной модели развития человечества. Резкая критика позиции Чаадаева всеми мыслящими людьми российской общественности (включая самых близких его друзей) стала ответом на его концепцию развития России. Крайности в оценках никогда не могут стать основой конструктивной критики. Автор утверждает, что недовольство действительностью не может инициировать отказ от исторического прошлого своей страны, а идеализация чужой культуры и модели развития, преклонение перед всем иностранным со временем разобьётся о факты действительности, и тогда станет ясно, что только «умалишённый» может хотеть спасения своей родины через поругание традиционных для отечества ценностей, унижение других народов ради вхождения в состав якобы самой прогрессивной человеческой цивилизации.

Ключевые слова: Чаадаев, русская философия, судьба России, историософия, православие, католицизм.

Yuliya Vladimirovna Kokareva,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(ul. Aleksandro-Zavodskaya 30, Chita, 672039 Russia)
e-mail: kokareva@inbox.ru

Chaadayev's Lesson

The question of estimation of our historical past and influence of the original spiritual and moral values on social and political processes of the future is very important in our instable world. The dispute between the Westerners and the Slavophiles began in the 19th century and it is actual nowadays too. P. Ya. Chaadayev offered the Russian society to refuse from old Fatherland of the past, from its basic spiritual value, Orthodoxy, and to replace it by spiritual values of the Western civilization as the only true model of human development. Chaadayev's position was bitterly criticized by the thinkers of that time (including his friends). It was the response to his concept of Russia's development.

The author of the article believes that dissatisfaction with the existing reality can't initiate the refusal from the historical past of one's own country. Only those who are "mad" wish to save their own country by humiliating other peoples in order to become a part of progressive human civilization.

Keywords: Chaadayev, Russian philosophy, destiny of Russia, philosophy of history, Orthodoxy, Catholicism.

Сегодня Россия находится в непростой экономической и политической обстановке. Сфера духовности также испытывает на себе давление со стороны прогрессивной европейской культуры и попытку дискредитировать традиционные для России духовные ценности в угоду новым «общечеловеческим» ценностям.

Вопрос о будущем страны, о путях выхода из кризиса заставляет нас не просто вспомнить уроки прошлого, но и оценить их последствия. Философские взгляды П. Я. Чаадаева в отношении исторического пути России – один из таких уроков.

П. Я. Чаадаева называют автором первой историософской концепции в России. Основываясь на утверждении, что в основе исторических процессов лежит Божественное Провидение, философ хочет найти ответ на вопрос о миссии каждого народа в истории. Несмотря на то, что произведения Чаадаева не были знакомы широкой публике почти девяносто лет, исследователи русской философии дают основательный анализ его взглядов. Дискуссия среди исследователей касается вопроса о главной теме философских исканий Чаадаева. Традиционно считается, что оценка России, её будущего выхо-

дит на первый план в концепции философа. Такой позиции придерживаются современные исследователи А. Ф. Замалеев, В. И. Копалов, П. В. Кузнецов, Б. Н. Тарасов и другие [2; 5; 6; 7]. По мнению других авторов, взгляд на Россию вовсе не является центральной темой Чаадаева. В. Зеньковский считал, что критика России есть «логический вывод из общих его идей в философии христианства» [3, с. 157]. И. И. Евлампиев также утверждает, что яркость философии Чаадаева состоит в раскрытии им проблемы личности в рамках христианских взглядов [1].

По нашему мнению, историософская концепция Чаадаева, решение вопроса о предназначении России, её историческом прошлом и таящихся в нём причинах настоящих и будущих проблем, являются наиболее важными темами его философии. Ответы, которые даёт нам Чаадаев, оказываются весьма парадоксальными.

В 1823 г. Чаадаев отправляется в трёхгодичное путешествие по странам Западной Европы (Англия, Франция, Италия, Германия, Швейцария). Эта поездка стала отправной точкой для формирования его отношения к российской истории и современной ему действительности. Восторг, восхищение всем увиденным за границей – вот те чувства, которые переполняли молодого философа, вернувшегося на родину. Он пытается осмыслить, почему так разнятся процессы, происходящие в Европе, с тем, что происходит (или, наоборот, не происходит) в России. После некоторого периода уединения в 1828–1830-е гг. Чаадаев создаёт знаменитые «Философические письма», которые сыграли драматическую роль в его судьбе, но при этом стали знаковым событием в русской философской мысли и свидетельством пробуждения национального самосознания.

После увиденного на Западе Чаадаева в России не устраивает всё, начиная с природных условий. Он с сожалением отмечает, что русские живут в климате, «о котором можно не в шутку спросить себя, был ли он предназначен для жизни разумных существ» [10, с. 56]. Какую бы область российской жизни не затрагивал философ, везде он видит лишь полный застой, отсталость и абсолютную неспособность изменений к лучшему. «Дело в том, – восклицает Чаадаев, – что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода

на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всём остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия» [10, с. 31].

«Философические письма» появляются на пике интереса российского общества к истории Отечества, его боевым заслугам и культурным традициям. Высшее общество зачитывается трудами Карамзина и Полевого. В противовес этому Чаадаев уже в первом письме заявляет, что самобытного прошлого Россия никогда не имела: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности... Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и вы не найдёте ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно» [10, с. 33–40]. Настоящее России безрадостно и не имеет сил на изменения к лучшему. Будущего же у России нет вовсе. Дальнейшие негативные высказывания об исторической судьбе России в «Философических письмах» являются лишь вариациями на тему оторванности России от мировой истории: «Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведён на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чём не содействовали движению вперёд человеческого разума, а всё, что досталось нам от этого движения, мы исказили» [10, с. 41].

Чем же так покорила Чаадаева Запад и что, по замыслу философа, может спасти Россию? Ответ на этот вопрос кроется в оценке Чаадаевым западной цивилизации как идеальной модели построения общества. Западный мир стал цивилизацией лишь потому, что смог объединить в себе Религию, Нравственность, Традицию. По мнению философа, западные народы имеют своё лицо благодаря бытовой благоустроенности жизни, нравственным устоям, передающимся из поколения в поколение, правовой дисциплине, рождённой из опыта этих стран. У западных народов каждый шаг выверен, они умеют учиться на своих ошибках и не по-

вторять их. Только в таком обществе может родиться великий мыслитель, великий правитель. Только такое общество имеет право на существование, поскольку даёт человеку истинную свободу.

Фундаментом этого общества является религия. Европа есть христианская цивилизация, которая, по мнению Чаадаева, способна осуществить Царство Божие на земле и уже приступила к реализации этого плана. Устойчивость мира и его дальнейшее существование в качестве цивилизации возможно только как развитие христианского мира. Чаадаев настаивает, что это единственно правильная форма цивилизации. Сила христианского мира в духовно-нравственном единении на основе Евангельских истин. Мораль, право, политика в такой цивилизации имеют своим истоком слова Спасителя и живую, действенную веру людей. Образцовой моделью истории служит для Чаадаева Англия, в которой, по его замечанию, не было и нет светской истории. Здесь история народа и государства неразрывно связаны с историей Церкви.

Будущее христианской цивилизации философ видит в объединении стран и народов в единое христианское сообщество. Эта идея впоследствии будет оформлена в философской системе Владимира Соловьёва. Однако не все христианские народы входят в христианскую цивилизацию и смогут продолжить своё развитие.

Католичество – вот та истина, которая провозглашена человечеству и тот краеугольный камень, который является для Чаадаева критерием правильного пути развития. Вследствие этого Россия и другие славянские народы, исповедующие православие, не могут быть частью христианского мира и исключаются из мировой истории, представляя собой тупиковый путь. Философ с горечью замечает, что вместо того, чтобы войти в католическую семью западных народов, «мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов» [10, с. 43], поэтому, «хотя мы и христиане, не для нас созрели плоды христианства» [10, с. 44]. По его мнению, православие полностью утратило ключевую для христианства идею свободы человеческой личности. Заимствовав извращённую модель христианства, Россия приняла как нечто естественное идею рабства. Так, рабство духовное породило рабство социальное, ставшее феноменом российской действительности. «В России всё носит печать рабства – нравы, стремления, образование...», – пишет Чаада-

ев, и виной тому – религия [9, с. 243]. Православие стало причиной векового отсутствия у русской нации стремления к самопознанию.

Чаадаев одним из первых заговорил о срединном положении России между Востоком и Западом в силу её географического положения и о её вселенском предназначении объединить в христианскую цивилизацию все народы земного шара. Однако, приняв православие, Россия не выполнила свою миссию и теперь ей остаётся преподнести миру только негативный урок.

Если православие, по мнению Чаадаева, полностью лишает народ участия во всемирной истории и обрекает на изоляцию, а затем и гибель, то народы, исповедующие протестантизм, свернули с правильного пути и отравились в тупик, но ещё могут вернуться обратно в лоно христианской цивилизации. Протестантизм отождествляется с разрушением, а истинное христианство (католичество) – это всегда созидание. Кроме того, философ критикует протестантизм за отказ от церковной традиции совершения таинств, а также за следование букве без живой любви и веры.

Нехристианские народы, такие как Япония, Индия, Китай, в историософии Чаадаева наиболее далеки от прогрессивного пути развития человечества. При всём их кажущемся прогрессе – это косные народы, так как их значимые открытия ограничены телесными потребностями человека. Философ считает, что «тупая неподвижность Китая и необычайное принижение индусского народа, хранителя древнейших природных достижений и зародышей всех человеческих познаний, заключают в себе важнейший урок» [10, с. 143], данный Богом для всех остальных народов, чтобы человечество осознало, что истинный прогресс состоит не в технических достижениях, а в духовном развитии, возможным только в католическом обществе.

Таким образом, чтобы народ, в частности русский, стал частью всемирной истории и имел шанс на развитие, ему, по мнению Чаадаева, следует отбросить всю свою закостенелую историю, связанную с православием, принять католичество и ценности Западного мира. Только при таком варианте развития России философ видит возможность выхода из социального кризиса, освобождения от рабства, лицемерия и деспотизма, а также оставляет ей право на будущее.

Оценка Чаадаевым судьбы России и её предназначения вызвали общественный взрыв. У философа не нашлось сторонников, защитников его концепции. Если декабри-

стов многие воспринимали как «мучеников», пострадавших за свою идею, жалели их, то Чаадаева, признанного по высочайшему повелению сумасшедшим и тем самым лишённого ореола «мученичества», жалеть было не за что. Ближайшие друзья, среди которых были Пушкин, Дельвиг, Тургенев, выступили с резким несогласием оценки исторического прошлого России и её будущего в изложении Чаадаева. В своих письмах, обращённых к философу, Пушкин заявляет, что никогда не согласится с «исторической ничтожностью» России. «Я, – пишет поэт, – далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предрассудками – я оскорблён, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» [4, с. 281].

Для самого Чаадаева такая реакция общественности стала настоящим ударом. В «Апологии сумасшедшего» он попытался объяснить свою точку зрения не стремлением унижить и обесчестить Россию, а философским объяснением исторических процессов и настоящим патриотизмом. По его глубокому убеждению, любовь к Родине проявляется не в лицемерном восхвалении прошлого, а в критике всего того, что мешает нам стать передовой державой и включиться в семью западных народов. «Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою родину – восклицает Чаадаев, – желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсем похоже на чувства тех, чьи крики нарушили моё спокойное существование... Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает её, я думаю..., что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной» [8, с. 206].

Теперь негативные моменты истории русского народа, его отсталость подаются как потенциальная возможность скорейших изменений к лучшему. Россия – это «лист белой бумаги» [8, с. 199], на которой Запад ещё может написать то, что захочет, а именно, свои идеалы и модели устройства жизни. Чаадаев даже находит в себе силы похвалить один из периодов российской истории, связанной с именем Петра I. Он восхищён тем, что великий правитель сделал всё возможное, чтобы слиться с Западом, – он «склонился перед Западом» [8, с. 196], отказался от старых традиций, ввёл западные слова, основал новую столицу на манер западных, принял запад-

ный титул и даже изменил своё имя на западный вариант.

Меняется и взгляд Чаадаева на будущее России. От негативного варианта он переходит к позитивному видению великого призвания России в возможности решить все социальные проблемы, которые до сих пор не решены на Западе.

В целом концепция Чаадаева относительно исторической судьбы России и её будущего не претерпела существенных изменений. Философ лишь внёс некоторые смягчающие его позицию корректировки. Своей негативной оценки процессов, происходящих в России, он не изменил до конца жизни. Осталась и нескрываемая симпатия ко всему западному, а католичество видится Чаадаеву той единственной духовной силой, которая способна двигать человечество к идеальному обществу.

Парадоксальная любовь Чаадаева к своему отечеству, граничащая чаще всего с ненавистью, сыграла важную роль в становлении русского самосознания. Работы философа в полном объёме не печатали ни до, ни после революции 1917 г. Это свидетельствует о том, что Чаадаев затронул очень глубокие и болезненные темы для российского общества. Его критика социальной действительности беспощадна и часто справедлива. Однако его увлечение западным приводит, по справедливому замечанию современного исследователя П. Кузнецова, к тому, что философ «увидел, скорее, *идеальный* Запад, позднее противопоставив его *реальной* России» [6, с. 13].

Сегодня можно услышать мнение западных и российских деятелей культуры и политики, сходное с позицией Чаадаева, что Россия должна преодолеть свою «отсталость» и включиться в общемировые процессы путём отказа от устаревших, непопулярных в современном прогрессивном мире самобытных традиций, забыть своё прошлое и принять те культурные и политические установки, которые диктует Запад. Однако вряд ли можно расценивать как проявление патриотизма унижение собственного народа, его духовных ценностей в угоду западным моделям развития. Конструктивная критика совершенно справедливо может включать в себя несогласие с действующим политическим режимом, социально-экономическими программами развития современного общества. Однако эти несогласия не могут служить поводом к нигилистическому отношению к России в целом, её прошлому, культуре и религии.

Список литературы

1. Евлампиев И. И. История русской философии: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2002. 584 с.
2. Замалеев А. Ф. Русская религиозная философия: XI–XX вв. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. Ун-та, 2007. 208 с.
3. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академ. Проект: Раритет, 2001. 880 с.
4. Из переписки П. Я. Чаадаева с А. С. Пушкиным // Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего: Избр. соч. Письма. Воспоминания современников. СПб.: Лениздат: Команда А, 2014. С. 267–283.
5. Копалов В. И. Курс лекций по русской философии истории: учеб. пособие / Рос. филос. о-во и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 258 с.
6. Кузнецов П. П. Я. Чаадаев и русская философия // Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего: Избр. соч. Письма. Воспоминания современников. СПб.: Лениздат: Команда А, 2014. С. 5–24.
7. Тарасов Б. П. Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // Чаадаев П. Я. Статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. С. 5–37.
8. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего: Избранные сочинения. Письма. Воспоминания современников. СПб.: Лениздат: Команда А, 2014. С. 191–214.
9. Чаадаев П. Я. Отрывки и разные мысли (1828–1850-е годы). Избранное // Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего: избр. соч. Письма. Воспоминания современников. СПб.: Лениздат: Команда А, 2014. С. 215–252.
10. Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего: избр. соч. Письма. Воспоминания современников. СПб.: Лениздат: Команда А, 2014.

References

1. Evlampiev I. I. Istoriya russkoi filosofii: ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Vyssh. shk., 2002. 584 s.
2. Zamaleev A. F. Russkaya religioznaya filosofiya: XI–XX vv. SPb.: Izd. Dom S.-Peterb. Un-ta, 2007. 208 s.
3. Zen'kovskii V. Istoriya russkoi filosofii. M.: Akadem. Proekt: Raritet, 2001. 880 s.
4. Iz perepiski P. Ya. Chaadaeva s A. S. Pushkinym // Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego: Izbr. soch. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov. SPb.: Lenizdat: Komanda A, 2014. S. 267–283.
5. Kopalov V. I. Kurs lektzii po russkoi filosofii istorii: ucheb. posobie / Ros. filos. o-vo i dr. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2005. 258 s.
6. Kuznetsov P. P. Ya. Chaadaev i russkaya filosofiya // Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego: Izbr. soch. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov. SPb.: Lenizdat: Komanda A, 2014. S. 5–24.
7. Tarasov B. P. Ya. Chaadaev i russkaya literatura pervoi poloviny KhKh veka // Chaadaev P. Ya. Stat'i i pis'ma / sost., vstup. st. i komment. B. N. Tarasova. 2-e izd., dop. M.: Sovremennik, 1989. S. 5–37.
8. Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego // Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego: Izbrannye sochineniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov. SPb.: Lenizdat: Komanda A, 2014. S. 191–214.
9. Chaadaev P. Ya. Otryvki i raznye mysli (1828–1850-e gody). Izbrannoe // Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego: izbr. soch. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov. SPb.: Lenizdat: Komanda A, 2014. S. 215–252.
10. Chaadaev P. Ya. Filosoficheskie pis'ma // Chaadaev P. Ya. Apologiya sumasshedshego: izbr. soch. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov. SPb.: Lenizdat: Komanda A, 2014.

Библиографическое описание статьи

Кокарева Ю. В. Урок Чаадаева // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2016. Т. 11, № 1. С. 67–71.

Статья поступила в редакцию 11.01.2016